Научная статья
УДК 321.7

КОНСЕНСУС И КОНФЛИКТ КАК ОСНОВАНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ: ДЕЛИБЕРАТИВНАЯ И АГОНИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ

Насибулина Анастасия Сергеевна, кандидат философских наук, научный сотрудник управления научными исследованиями, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Россия, Улан-Удэ, anastasiia-nasibulina@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения рационального согласия и политического конфликта в нормативном обосновании демократической легитимности. Цель исследования заключается в определении условий, при которых делиберативная и агонистическая модели демократии могут рассматриваться как различные способы объяснения правомерности общеобязательных решений. Методологическую основу составляют сравнительный анализ нормативных концепций, историко-философская реконструкция и понятийное разграничение форм политического согласия и несогласия. На материале исследований 2024–2026 гг. сопоставляются положения дискурсивной теории Ю. Хабермаса и агонистического плюрализма Ш. Муфф. Установлено, что принципиальное расхождение данных концепций определяется не признанием либо отрицанием политических противоречий, а различным пониманием условий демократического участия и нормативных границ конфликта. Обосновано различие процедурного, содержательного и временного измерений легитимности. Показано, что признание правомерности коллективного решения не предполагает обязательного согласия с его содержанием, если граждане сохраняют возможность публичного оспаривания и последующего пересмотра установленных правил. Предложена нормативная интерпретация демократической легитимности, связывающая публичное обоснование власти с

институционально обеспеченным правом на политическое несогласие.

Ключевые слова: демократическая легитимность, делиберативная демократия, агонистический плюрализм, политический конфликт, публичное обоснование, рациональный консенсус, политическое равенство.

Original article

CONSENSUS AND CONFLICT AS FOUNDATIONS OF DEMOCRATIC LEGITIMACY: DELIBERATIVE AND AGONISTIC MODELS OF DEMOCRACY

Nasibulina Anastasiia Sergeevna, Candidate of Philosophical Sciences, Researcher, East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russia, anastasiia-nasibulina@rambler.ru

Abstract. The article examines the relationship between rational consensus and political conflict in normative accounts of democratic legitimacy. Its purpose is to determine the conditions under which deliberative and agonistic models offer different explanations of the legitimacy of collectively binding decisions. The methodology combines comparative normative analysis, historical-philosophical reconstruction, and conceptual distinctions between political agreement and disagreement. Drawing on academic publications from 2024 to 2026, the study examines Jürgen Habermas's discourse theory and Chantal Mouffe's agonistic pluralism. It argues that their fundamental disagreement concerns the conditions of democratic participation and the normative boundaries of political conflict rather than the mere recognition or rejection of disagreement. Three dimensions of democratic legitimacy are distinguished: procedural, substantive, and temporal. The analysis demonstrates that recognizing the legitimacy of a collective decision does not require agreement with its content, provided that citizens retain effective opportunities to contest and revise established rules. The article develops a normative interpretation of democratic legitimacy linking public justification of political authority with the institutionally protected right to

political dissent. The proposed approach preserves the conceptual differences between deliberative and agonistic theories while identifying the conditions under which their normative requirements can be considered compatible.

Keywords: democratic legitimacy, deliberative democracy, agonistic pluralism, political conflict, public justification, rational consensus, political equality.

Введение. Проблема демократической легитимности возникает вследствие необходимости принимать общеобязательные решения в условиях устойчивого несовпадения политических убеждений, социальных интересов и представлений о справедливости. В отличие от порядка, основанного исключительно на принуждении, демократия предполагает признание граждан равноправными участниками политической жизни. Вместе с тем обязательность принимаемых решений распространяется и на тех, кто не поддерживал их содержание. Возникающее противоречие требует определить основания, позволяющие считать осуществление власти правомерным при отсутствии всеобщего общественного согласия.

Современная политическая философия предлагает различные способы разрешения данной проблемы. Делиберативная традиция, получившая последовательное выражение в дискурсивной теории Ю. Хабермаса, связывает демократическую легитимность с публичным обоснованием решений и возможностью рационального обсуждения политических требований. Агонистическая концепция Ш. Муфф исходит из неустранимости политических противоречий и рассматривает открытое соперничество общественных сил как необходимое условие демократического порядка. Различие указанных подходов затрагивает основания политического равенства, допустимые способы осуществления власти и пределы общественного согласия.

Противопоставление двух концепций нередко воспроизводится через различие между рациональным консенсусом и политическим конфликтом. Однако делиберативная демократия не требует фактического единомыслия

граждан по всем общественным вопросам. Равным образом агонистический плюрализм не предполагает отрицания любых общих норм: признание политического противника правомерным участником демократического соперничества уже содержит определённое нормативное требование. Следовательно, исследовательская проблема заключается не в установлении предпочтительности согласия либо конфликта, а в выяснении характера их отношения к легитимности политического порядка.

Дополнительную сложность создаёт различие между правомерностью политического решения и его общественным одобрением. Соблюдение предусмотренных законом процедур не всегда обеспечивает справедливое распределение возможностей участия. Напротив, широкая поддержка политической меры не исключает нарушения прав меньшинства. Поэтому демократическую легитимность нельзя полностью отождествлять ни с формальной законностью, ни с поддержкой большинства.

Актуальность рассматриваемой проблемы усиливается изменением условий публичной коммуникации. Развитие цифровых средств политического взаимодействия расширяет возможности выражать общественные требования, но одновременно выявляет новые формы неравенства в способности влиять на публичное обсуждение. Возникает необходимость оценивать демократический характер политического участия не только по доступности публичного высказывания, но и по способности граждан воздействовать на содержание принимаемых решений.

Цель исследования состоит в определении нормативных условий совместимости рационального согласия и институционально выраженного политического несогласия в рамках демократической легитимности. Объектом выступает демократический порядок как форма осуществления публичной власти, предметом — основания признания общеобязательных решений в делиберативной и агонистической теориях демократии.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом:

предполагает ли демократическая легитимность достижение рационально мотивированного согласия относительно содержания политических решений или её необходимым условием является сохранение возможности организованного политического противостояния?

Исходная гипотеза заключается в том, что данная альтернатива возникает вследствие недостаточного различения предметов политического согласия. Признание равного статуса граждан, одобрение конкретного властного решения и согласие соблюдать действующие правила до их возможного пересмотра представляют собой различные отношения. Их разграничение позволяет исследовать публичное обоснование власти и политический конфликт как самостоятельные нормативные условия демократии.

Научная новизна работы определяется обоснованием процедурного, содержательного и временного измерений демократической легитимности. Предлагаемый подход устанавливает связь между оправданностью решения, сохранением политического равенства и возможностью последующего пересмотра общеобязательных норм без сведения демократии к окончательному консенсусу либо неограниченному общественному противостоянию.

Обзор литературы. Современные исследования демократической легитимности отличаются разнообразием нормативных оснований, используемых для объяснения правомерности политической власти. В обновлённой в 2024 г. работе Т. Кристиано и С. Баджаджа рассматриваются самостоятельная ценность демократических процедур, проблема политического авторитета и значение равенства граждан при принятии коллективных решений [1]. Существенное место занимает различение достоинств самой демократической процедуры и качества результатов её осуществления. Данная постановка вопроса позволяет установить, что поддержка определённой политической меры не выступает достаточным основанием признания правомерности способов её принятия.

Систематизация современных нормативных концепций представлена в

монографии Н. А. Шавеко «Современные западные теории демократии» (2025). Автор прослеживает развитие политико-философских представлений от демократического элитизма к моделям участия, совещательной демократии и агонистического плюрализма. Особого внимания заслуживает рассмотрение этих направлений как различных ответов на затруднения представительного правления [2]. Такая перспектива позволяет исследовать расхождения Хабермаса и Муфф в пределах общей проблемы демократической легитимности, не превращая их сопоставление в последовательное изложение отдельных концепций.

В работе М. Д. Марей (2026) анализируется агонистическая теория Ш. Муфф и её связь с критикой либеральных моделей демократии. Принципиальное значение придаётся различению антагонизма и агонизма, а также преобразованию отношений политической вражды в соперничество участников, признающих взаимную легитимность [3]. Автор обращает внимание на ограниченность агонистической модели в вопросах институционального обеспечения общественного противостояния. Это исследование помогает определить нормативные границы конфликта: одного лишь признания его политической неизбежности для этого недостаточно.

В. Аугуст и М. Вестфаль в статье «Theorizing Democratic Conflicts beyond Agonism» (2024) предлагают рассматривать демократический конфликт с учётом характера его развития, условий обострения и возможностей урегулирования [4]. Авторы подвергают критике теоретические подходы, приписывающие конфликту положительное демократическое значение без достаточного внимания к его конкретным формам. Их исследование позволяет поставить вопрос о различии между противостоянием, расширяющим политическое участие, и конфликтом, разрушающим предпосылки демократического взаимодействия.

Нормативные основания делиберативной демократии подробно рассматриваются Н. А. Шавеко в статье 2024 г., посвящённой моделям

совещательной демократии [5]. Исследователь разграничивает способы обоснования публичного обсуждения, обращая внимание на различие между его предполагаемой способностью улучшать политические решения и самостоятельной ценностью равного участия граждан. В другой работе автор рассматривает аргументы в пользу публичного дискурса и пределы их нормативной состоятельности [7]. Эти положения имеют значение для критики упрощённого представления о делиберации как процедуре обязательного достижения единодушия.

Непосредственное сопоставление дискурсивной теории Хабермаса и агонистического плюрализма Муфф выполнено М. Р. Демирджи [6]. Автор рассматривает различия в понимании легитимности, гражданского участия, публичной сферы и политического представительства. При этом тезис о необходимости сочетать демократические практики, ориентированные на достижение согласия и на открытое политическое соперничество, не объясняет нормативных оснований их совместимости. Последний требует самостоятельного рассмотрения, поскольку признание практической значимости различных способов политического взаимодействия ещё не объясняет условий их правомерности.

Критика недостаточного внимания к отношениям власти получает развитие в исследовании Л. Э. Крокенеса (2025), посвящённом политическому значению агонистической демократии [8]. Автор показывает, что агонистическое участие нельзя ограничивать открытым выражением разногласий: существенна способность общественных движений изменять распределение политического влияния. Нормативное обоснование демократических процедур с иной стороны рассматривается Шавеко в работе «О самоценности демократии» (2024), где анализируются пределы аргументов, связывающих демократическую правомерность с народным самоуправлением, политическим равенством и правилом большинства [9].

Особую группу составляют современные исследования конкретных

процедур гражданского участия. М. Германн (2025) установил, что недостаточная представительность совещательных мини-групп отрицательно влияет на восприятие легитимности политического процесса [10]. И. Говартс, Й. де Фине Лихт и С. Мариен (2025) показали значение публичного объяснения причин, по которым представители власти отклоняют рекомендации участников гражданских обсуждений [11]. В свою очередь, С. Сориал и Ш. Моррис (2025) рассматривают затруднение, возникающее при необходимости сочетать качество обсуждения с широтой политического участия [12]. Полученные результаты позволяют уточнить связь между нормативными требованиями делиберации и фактическими условиями её институционального осуществления.

Таким образом, исследования раскрывают различные основания публичного обоснования власти, характер политического соперничества и ограничения отдельных институтов гражданского участия. Вместе с тем сохраняется необходимость разграничить согласие относительно правил демократического взаимодействия, признание конкретных решений и возможность их последующего оспаривания. Именно данное различие положено в основу дальнейшего анализа.

Методологическая и теоретическая база исследования. Методологическую основу работы составляет сравнительный нормативный анализ, направленный на выявление философских предпосылок делиберативной и агонистической концепций демократии. В отличие от эмпирического исследования общественного доверия, нормативный подход предполагает выяснение оснований, позволяющих считать политическое решение правомерным независимо от степени его фактической популярности.

Историко-философская реконструкция используется для определения содержания основных положений дискурсивной теории Ю. Хабермаса и агонистического плюрализма Ш. Муфф. Сопоставление проводится по общим критериям, связанным с источником легитимности, статусом политического конфликта, возможностью консенсуса, ролью публичного разума, границами

политического участия и отношением к власти. Указанные параметры позволяют рассматривать концепции в едином исследовательском поле, сохраняя различия их исходных нормативных предпосылок.

Понятийный анализ требует разграничения рационального согласия, политического компромисса и вынужденного подчинения. Рациональное согласие предполагает признание участниками достаточной обоснованности предъявленных доводов. Компромисс допускает сохранение несовпадающих убеждений при взаимных уступках. Подчинение может возникать независимо от признания правомерности решения вследствие существующего распределения властных полномочий. Внешне эти формы отношения к политическому решению могут выглядеть одинаково, однако их нормативный смысл различается.

Политический конфликт определяется как выраженное в общественном взаимодействии противоречие между притязаниями участников относительно распределения власти, признания интересов или содержания общеобязательных решений. При таком понимании конфликт не обязательно связан с насилием и может протекать в рамках закона. Вместе с тем различие мнений не всегда приобретает характер политического противостояния: для этого необходимо его общественное выражение и связь с определением содержания либо порядка осуществления власти.

В качестве исходного нормативного условия рассматривается политическое равенство граждан, которое не исчерпывается формально одинаковым правом голоса. Существенное значение имеет возможность предъявлять общественно значимые требования, оспаривать решения и добиваться изменения установленных правил. Результаты современных эмпирических исследований используются для уточнения соответствующих философских аргументов, но не рассматриваются как экспериментальное доказательство предлагаемой нормативной конструкции.

Результаты исследования и их обсуждение. Делиберативная теория

исходит из того, что правомерность политического решения не может определяться исключительно соответствием заранее установленной процедуре голосования. Применение публичной власти требует обоснования перед гражданами, на которых распространяется действие принимаемых мер. Существенным становится не только результат коллективного волеизъявления, но и возможность рассматривать предъявляемые основания в условиях политического равенства.

В дискурсивной теории Хабермаса указанное требование связано с представлением о рациональном формировании общественного мнения и политической воли. Участники публичного обсуждения рассматриваются как лица, способные оценивать доводы друг друга и пересматривать собственные позиции. Легитимность определяется не простым совпадением индивидуальных предпочтений, а условиями, при которых решение может быть оправдано перед гражданами как свободными и равными участниками политического сообщества.

Принципиальное значение имеет различие между фактическим согласием и нормативной возможностью рационального признания. Реальное политическое обсуждение может завершиться голосованием либо компромиссом при сохранении существенных разногласий. Из этого не следует, что сама делиберативная процедура утрачивает смысл. Её назначение состоит в обеспечении публичного рассмотрения аргументов, а не в обязательном устранении несовпадающих убеждений.

Вместе с тем подобная интерпретация сталкивается с вопросом о социальной обусловленности публичного разума. Неравенство доступа к образованию, информационным ресурсам и средствам политического влияния непосредственно воздействует на способность граждан участвовать в обсуждении общественных вопросов. Формальное право представить собственные доводы ещё не гарантирует, что их рассмотрят наравне с доводами других участников.

Особого внимания заслуживает способность политических институтов определять круг проблем, допускаемых к обсуждению. При сохранении неравного влияния часть общественных требований может исключаться уже на этапе формирования политической повестки. В таких обстоятельствах соблюдение последующих процедур не устраняет первоначального ограничения гражданского участия.

Следовательно, рациональный характер публичной аргументации не должен отождествляться с фактическими условиями её существования. Делиберативная теория сохраняет критическое значение именно тогда, когда требование равного рассмотрения доводов распространяется на правила организации самой дискуссии. Граждане должны иметь возможность оспаривать не только содержание предлагаемого решения, но и условия, определяющие допустимость политического высказывания.

Шавеко справедливо обращает внимание на различие между обоснованием делиберации через предполагаемое улучшение качества решений и признанием самостоятельной ценности публичного обсуждения [7]. Данное обстоятельство позволяет избежать зависимости нормативной состоятельности демократии от предположения, будто рациональный дискурс неизменно обеспечивает правильный результат. Достаточным основанием для признания его политической значимости выступает возможность граждан участвовать в определении общеобязательных правил посредством публично рассматриваемых аргументов.

Однако сам факт проведения обсуждения ещё не обеспечивает равенства политического влияния. Власть способна выслушивать возражения, не изменяя характерных для неё способов принятия решений. Отсюда возникает необходимость различать доступность публичного высказывания и действительную возможность воздействия на политический порядок.

Делиберативная модель наиболее убедительна при понимании публичного обоснования как постоянного нормативного требования, адресованного

политическим институтам. Решение сохраняет правомерность не потому, что все граждане признали его правильным, а потому, что основания его временной обязательности открыты для общественной критики. Вместе с тем подобное объяснение ещё не устанавливает, каким образом неравномерное распределение власти может быть изменено участниками, чьи требования систематически не получают признания.

Агонистическая концепция Муфф предлагает иной способ объяснения демократического порядка. Её исходное положение заключается в признании неустранимости политических противоречий, возникающих вследствие несовпадения общественных интересов и борьбы за определение содержания коллективной жизни. Политические институты способны регулировать конфликт, однако не устраняют историческую изменчивость установленных отношений власти.

В отличие от делиберативной традиции, агонистический плюрализм не рассматривает рациональное согласие в качестве необходимого ориентира политического взаимодействия. Любой достигнутый консенсус возникает в конкретных общественных условиях и отражает определённое соотношение политических сил. Признание его окончательным результатом рационального обсуждения способно скрывать обстоятельства, при которых некоторые интересы получили преимущество, тогда как другие остались за пределами общественно признанной повестки.

В философии Муфф существенное значение приобретает понятие гегемонии. Политический порядок закрепляет исторически сложившиеся отношения власти, но эти отношения могут изменяться. Существующие институты не выступают непосредственным выражением единой общественной рациональности; их содержание может оспариваться движениями, предлагающими иные способы организации совместной жизни. Поэтому демократия предполагает сохранение возможностей политического преобразования, не ограниченных обсуждением отдельных решений в пределах

неизменного институционального устройства.

Особенность агонистической теории наиболее отчётливо раскрывается через разграничение антагонизма и агонизма. Антагонистическое противостояние характеризуется отношением к другой стороне как к врагу, существование которого воспринимается как угроза. Агонистическое соперничество предполагает признание оппонента правомерным участником политической жизни при сохранении несовместимых убеждений относительно желаемого общественного порядка. Важнейшая задача демократических институтов заключается в создании условий, при которых политический конфликт не преобразуется в отрицание права противника на существование.

М. Д. Марей показывает, что данное различие связано с критическим переосмыслением Муфф политической философии К. Шмитта [3]. Признавая значение политических противоречий, агонистический плюрализм не принимает представление о вражде как единственно возможной форме отношений между противостоящими коллективными субъектами. Демократическая борьба должна сохранять возможность участия соперничающих сил в определении общественного порядка.

Подобная постановка вопроса позволяет выявить ограниченность концепций, связывающих политическое равенство преимущественно с соблюдением общих правил обсуждения. Граждане могут обладать формально одинаковыми правами, но существенно различаться по способности воздействовать на распределение власти. Коллективная организация и открытое политическое противостояние в таком случае выступают средствами изменения условий участия.

Критическое значение агонистического подхода подтверждается исследованием Крокенеса, в котором подчёркивается роль политических движений и их способности преобразовывать действующие отношения влияния [8]. Следовательно, признание конфликта предполагает большее, чем предоставление участникам права выражать несовпадающие мнения.

Необходимо сохранять институциональные механизмы, благодаря которым общественные требования могут влиять на политические процессы.

Однако в данной концепции возникает самостоятельное нормативное затруднение. Если любой установленный порядок представляет собой результат политического соперничества, требуется объяснить, почему одни формы противостояния признаются демократически допустимыми, а другие нарушают основания политического сообщества. Ссылка на историческую обусловленность норм не позволяет вывести критерий, отделяющий легитимного противника от участника, отрицающего равные права других граждан.

Проблема особенно заметна применительно к политическим движениям, использующим демократические свободы для ограничения возможности существования оппозиции. Их участие не может оправдываться одним лишь признанием неизбежности общественных конфликтов. Вместе с тем произвольное исключение несогласных под предлогом защиты демократии способно превратить действующий порядок в средство закрепления политического господства.

Границы допустимого противостояния следует определять по тому, сохраняется ли равный политический статус участников, а не по остроте критики действующей власти. Требования изменения конституционных правил, перераспределения общественных ресурсов либо преобразования сложившихся институтов сами по себе не свидетельствуют об антидемократическом характере политического движения. Иное значение приобретают действия, направленные на лишение определённых групп возможности участвовать в политической жизни или добиваться изменения власти посредством признанных процедур.

При этом ограничения политической деятельности также требуют публичного обоснования и независимого рассмотрения. Отсутствие подобного требования предоставило бы действующей власти возможность самостоятельно определять круг допустимых противников, исключая из него наиболее

последовательных критиков существующего порядка.

Следовательно, агонистическая демократия не освобождается от необходимости нормативного согласия. Оно относится прежде всего к признанию участников политического соперничества равноправными членами сообщества. Конкретное содержание общественных целей и способы распределения власти при этом сохраняют принципиально спорный характер.

Исследование Аугуста и Вестфаль позволяет дополнительно уточнить данное положение. Авторы обращают внимание на необходимость оценивать демократические конфликты с учётом их развития и последствий [4]. Политическое противостояние способно расширять участие ранее исключённых групп, однако при определённых условиях сопровождается разрушением норм взаимного признания. Поэтому его нормативное значение нельзя устанавливать независимо от конкретных отношений между участниками.

Таким образом, основная проблема агонистической модели заключается не в признании политического конфликта необходимым свойством демократического порядка, а в определении условий, при которых противостояние сохраняет демократический характер. Разрешение указанного вопроса предполагает обращение к нормативным основаниям, которые не могут быть сведены к существующему соотношению политических сил.

Существенное расхождение касается прежде всего условий общественного признания власти. Делиберативная теория предполагает, что публично предъявляемые доводы обладают нормативным значением независимо от фактического преимущества говорящего. Агонистическая концепция обращает внимание на зависимость общественного признания аргументов от сложившихся отношений политического влияния. Отсюда различается и понимание демократического участия: от возможности воздействовать на решение посредством обсуждения до способности оспаривать основания существующего политического порядка.

Вместе с тем обе концепции сталкиваются с проблемой политического

исключения. Для делиберативного подхода она возникает при недостаточной доступности публичного обсуждения; для агонистического — при необходимости разграничивать допустимое соперничество и действия, разрушающие равный статус граждан. Указанные затруднения позволяют поставить вопрос о более точном соотношении нормативной оправданности решения и возможности его последующего оспаривания.

Противопоставление консенсуса и конфликта приобретает характер неразрешимой альтернативы преимущественно в тех случаях, когда не разграничиваются предметы политического признания. Гражданин способен считать определённое решение ошибочным, соблюдать его до законного изменения и одновременно добиваться пересмотра. Подобное отношение не содержит логического противоречия, поскольку признание временной обязательности политической меры не равнозначно согласию с её содержанием.

Первоначальное нормативное значение имеет признание граждан равноправными участниками политического сообщества. Несовпадение взглядов на распределение общественных ресурсов или направление государственной политики не может само по себе служить основанием для ограничения политического статуса личности. В этом отношении демократия предполагает определённую общность правил, обеспечивающих возможность сосуществования сторонников несовместимых политических программ.

Иной характер имеет согласие с содержанием коллективного решения. Даже при соблюдении равноправных процедур граждане могут сохранять различные представления о его справедливости. Политическая власть должна обладать возможностью принимать решения при отсутствии единодушия, однако это обстоятельство не освобождает её от обязанности публичного объяснения принятых мер.

Наконец, необходимо учитывать способность граждан изменять уже установленный порядок. Демократическая процедура не завершается окончательным прекращением политического спора. Признание права

оппозиции добиваться пересмотра решений означает, что решения остаются обязательными до их возможного изменения, но не обязывает считать их безошибочными по существу.

Представленные различия позволяют выделить три нормативных измерения демократической легитимности.

Процедурное измерение относится к условиям принятия коллективных решений. Оно предполагает равный политический статус участников, возможность рассмотрения общественно значимых аргументов и соблюдение правил, не предоставляющих произвольных преимуществ отдельным политическим группам. Формальное равенство избирательных прав не отменяет необходимости оценивать реальную доступность политического участия.

Содержательное измерение связано с обоснованностью властного решения и его совместимостью с основными правами граждан. Соблюдение установленной процедуры не может само по себе оправдать меры, направленные на лишение определённой части общества возможности пользоваться демократическими свободами. В таком понимании легитимность предполагает определённые ограничения даже для решений, получивших поддержку большинства.

Временное измерение означает возможность последующего пересмотра принятого решения. Оно предполагает сохранение политической оппозиции, законных средств критики и институциональных условий изменения действующих правил. Его отсутствие способно превратить временное преимущество определённой политической силы в устойчивое исключение соперников из общественной жизни.

Предлагаемое разграничение не представляет собой механическое соединение двух философских теорий. Каждое измерение выполняет самостоятельную нормативную функцию. Процедурное относится к условиям участия, содержательное ограничивает допустимые последствия властных решений, временное обеспечивает возможность преобразования общественного

порядка после завершения процедуры принятия решения.

В данном отношении публичное обоснование власти и политическое оспаривание образуют взаимосвязанные, но не тождественные требования. Первое требует, чтобы политические институты объясняли свои решения. Второе позволяет изменять сложившиеся отношения власти и добиваться признания ранее не учитывавшихся общественных требований.

Отсюда вытекает существенное положение: нормативное согласие относительно допустимости политического соперничества не предполагает содержательного единства общественных убеждений. Более того, такое согласие создаёт условия, при которых принципиальные разногласия могут сохраняться без разрушения политического сообщества.

Однако временная открытость решений не означает необходимости постоянного пересмотра всех установленных правил. Устойчивость правового порядка имеет самостоятельное значение для совместной жизни граждан. Принципиально важно различать возможность законного изменения действующей нормы и требование её непрерывного обсуждения. Демократический порядок способен обеспечивать предсказуемость общественных отношений, сохраняя при этом право граждан добиваться преобразования действующих институтов.

Предлагаемая интерпретация позволяет также уточнить нормативный смысл политического равенства. Оно предполагает не только одинаковый правовой статус граждан на момент принятия решения, но и сохранение их способности участвовать в последующем определении общественного порядка. Политическая система, допускающая формально равное голосование, но исключающая действительную возможность изменения власти, не удовлетворяет указанному требованию.

Нормативную совместимость согласия и конфликта можно показать на примере институтов гражданского участия. Создание совещательных ассамблей, общественных обсуждений и консультативных органов позволяет расширять

возможности граждан влиять на государственную политику. Однако само существование подобных институтов не устраняет различия между публичным рассмотрением политических требований и полномочием принимать окончательные решения.

В исследовании М. Германна (2025), основанном на эксперименте с участием 1308 респондентов, установлено, что участие граждан в работе совещательных мини-групп может положительно влиять на восприятие легитимности политического процесса. Вместе с тем даже относительно небольшие отклонения от принципа представительности существенно ослабляют данный эффект [10]. Полученные результаты указывают на ограниченность подхода, связывающего демократическое значение гражданских ассамблей исключительно с качеством проводимого обсуждения.

Иной аспект проблемы рассматривается И. Говартс, Й. де Фине Лихт и С. Мариен (2025). На материале экспериментального исследования в Бельгии авторы показали, что отклонение рекомендаций совещательной группы представителями власти приводит к снижению воспринимаемой легитимности политического процесса. Публичное объяснение причин расхождения способно ослабить отрицательный эффект, если граждане считают предъявленные основания приемлемыми [11]. Для легитимности важно не столько совпадение окончательного решения с результатами обсуждения, сколько сохранение ответственности власти перед участниками обсуждения.

Однако эмпирическое восприятие легитимности и её нормативная обоснованность не тождественны. Повышение доверия к процедуре ещё не доказывает справедливости принятого решения. Представительность гражданской ассамблеи также не гарантирует, что остальные граждане обладают достаточными возможностями воздействовать на её деятельность. Поэтому нормативная оценка подобных институтов должна учитывать их положение в общей системе политического представительства.

С. Сориал и Ш. Моррис (2025) обращают внимание на затруднение,

возникающее при попытке одновременно обеспечить высокое качество обсуждения и широкое гражданское участие [12]. Небольшие группы способны обстоятельно рассматривать сложные общественные вопросы, однако ограниченность их состава создаёт самостоятельную проблему демократического представительства. Следовательно, совещательные институты целесообразно оценивать во взаимосвязи с механизмами политической ответственности и возможностями последующего общественного оспаривания.

Неоднозначность отношений согласия и конфликта обнаруживается и при исследовании парламентских практик. Я. Лехтонен и Т. Юля-Анттила (2025), проанализировав обсуждение пандемии в парламенте Финляндии, выявили изменение характера политического взаимодействия от выраженного стремления к национальному единству к более открытому плюрализму позиций [13]. Данный пример показывает, что сохранение общественных разногласий не обязательно препятствует функционированию демократических институтов. Напротив, возможность выражать несовпадающие политические оценки позволяет избежать отождествления временного единства с необходимостью подавлять критические позиции.

Особую область применения рассматриваемых теоретических положений образует цифровая публичная сфера. Исследование Л. Освальд (2024) показывает, что возможности политического обсуждения зависят от неодинаковых характеристик цифровых площадок, способов распространения информации и условий взаимодействия пользователей [14]. Следовательно, техническая доступность политического высказывания сама по себе не обеспечивает равенства граждан в формировании общественного мнения.

Н. Альнемр (2026) рассматривает влияние алгоритмически организованной коммуникации на публичную делиберацию. Особое внимание уделяется ограничению информационного разнообразия, распространению недостоверных сообщений и возможности граждан оспаривать правила

цифрового взаимодействия [15]. Данная проблема позволяет установить связь между двумя нормативными требованиями. Делиберативная модель обращает внимание на условия рассмотрения политических аргументов, тогда как агонистическая подчёркивает значение возможности противодействовать сложившемуся распределению информационного влияния.

К. Саура Гарсия (2025) исследует последствия распространения искусственно создаваемых сообщений и имитации общественного мнения для демократических публичных пространств [16]. Подобные процессы влияют на способность граждан отличать реальные общественные требования от информационных воздействий, направленных на изменение представлений о том, какие политические взгляды распространены в обществе. Проблема приобретает нормативное значение, поскольку условия формирования коллективной воли могут изменяться без соответствующего публичного контроля.

Применительно к цифровой коммуникации предложенная в статье конструкция позволяет сформулировать определённый критерий: организация публичного пространства должна допускать критическое рассмотрение правил, влияющих на доступность политической информации, при сохранении равного статуса участников. Однако содержание этого требования не сводится к обеспечению одинаковой распространённости всех высказываний. Его реализация предполагает возможность обоснованной критики способов распределения информационного влияния и оспаривания ограничений общественного участия.

Таким образом, рассмотрение институтов гражданского участия показывает важность различия между публичным обсуждением решений и возможностью изменять условия их принятия. Демократическому порядку необходимы не только процедуры рассмотрения аргументов граждан, но и средства политического влияния за пределами отдельных совещательных институтов.

Выводы. Проведённое исследование показывает, что противопоставление рационального консенсуса и политического конфликта не раскрывает в полной мере содержание расхождений между делиберативной и агонистической концепциями демократии. Рассматриваемые модели обращены к различным условиям политической легитимности. Делиберативная теория исследует основания публичного оправдания общеобязательных решений, тогда как агонистический плюрализм раскрывает необходимость сохранять возможность преобразования существующего порядка при устойчивом несовпадении общественных интересов.

Установлено, что рациональное согласие не следует отождествлять с фактическим единодушием граждан относительно содержания государственной политики. Его нормативное значение определяется признанием участников свободными и равными субъектами публичного обсуждения. Соответственно, несогласие с результатом демократической процедуры не обязательно предполагает отрицание правомерности её осуществления.

Анализ агонистической концепции позволяет заключить, что признание неустранимости политического конфликта нуждается в нормативном ограничении. Демократическое противостояние предполагает сохранение за оппонентами права участвовать в политической жизни и добиваться изменения действующих институтов. Следовательно, агонистическая модель не может последовательно отрицать необходимость определённого согласия относительно условий политического равенства.

Основной авторский результат состоит в обосновании различия процедурного, содержательного и временного измерений демократической легитимности. Первое относится к равноправному участию граждан в формировании решений, второе — к их публичной оправданности и совместимости с основными политическими правами, третье — к возможности последующего оспаривания и пересмотра установленных правил.

Выявленное различие позволяет разрешить исходное теоретическое

затруднение без устранения принципиальных расхождений между философскими позициями Хабермаса и Муфф. Согласие относительно признания граждан равноправными участниками политического сообщества совместимо с продолжающимися конфликтами по поводу содержания коллективных решений. При этом признание временной обязательности политической меры не предполагает отказа от права добиваться её изменения.

Институциональные условия демократической легитимности определяются не только доступностью публичного обсуждения, но и действительной возможностью воздействовать на политический порядок. Гражданские ассамблеи и цифровые средства коммуникации могут расширять участие, однако их наличие не устраняет проблем политического представительства, неравномерного распределения влияния и ответственности власти за принимаемые решения.

Таким образом, нормативная состоятельность демократического порядка предполагает взаимосвязь публичного обоснования власти и институционально защищённого политического несогласия. Первое позволяет оценивать оправданность коллективных решений, второе препятствует превращению временного политического преимущества в исключение оппозиции из общественной жизни. Демократическая легитимность в данном понимании определяется не окончательным прекращением разногласий, а сохранением условий, при которых граждане способны участвовать в формировании общеобязательных правил и добиваться их последующего пересмотра.

Дальнейшее философское исследование проблемы требует уточнения границ допустимого политического исключения. Наиболее существенным остаётся вопрос о том, каким образом демократическое сообщество может защищать равный статус своих участников, не превращая соответствующие ограничения в средство устранения правомерной политической оппозиции.

Список литературы

1. Christiano T., Bajaj S. Democracy // Stanford Encyclopedia of Philosophy.

Substantive revision: June 18, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/democracy/

2. Шавеко Н. А. Современные западные теории демократии. М.: Русайнс, 2025. 418 с.

3. Марей М. Д. Конфликт как норма: агонистический поворот в теории демократии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2026. Т. 10. № 3. С. 13–42. DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-13-42.

4. August V., Westphal M. Theorizing Democratic Conflicts beyond Agonism // Theory and Society. 2024. Vol. 53. P. 1119–1149. DOI: 10.1007/s11186-024-09565-4.

5. Шавеко Н. А. Модели совещательной демократии: основные способы нормативного обоснования // Российский социально-гуманитарный журнал. 2024. № 4. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-4-1510.

6. Demirci M. R. Consensus and Agonism in Democratic Theory: Comparing the Approaches of Habermas and Mouffe // The Journal of Social Science. 2026. Vol. 10. No. 19. P. 30–47. DOI: 10.30520/tjsosci.1835190.

7. Шавеко Н. А. Обоснование ценности публичного дискурса в теориях совещательной демократии: основные стратегии и их критика // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. Т. 18. № 3. С. 15–25. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-15-25.

8. Kråkenes L. Ø. Education for Agonistic Democracy: Reclaiming the Political Insights of Agonism // Studies in Philosophy and Education. 2025. Vol. 44. P. 263–281. DOI: 10.1007/s11217-024-09974-z.

9. Шавеко Н. А. О самоценности демократии // Управление. 2024. Т. 12. № 4. С. 109–118. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-109-118.

10. Germann M. Mini-Publics, (Lack of) Representativeness, and Legitimacy Beliefs // British Journal of Political Science. 2025. Vol. 55. Art. e11. DOI: 10.1017/S0007123424000322.

11. Goovaerts I., de Fine Licht J., Marien S. When Deliberative Mini-Publics'

Outcomes and Political Decisions Clash: Examining How Responsive Communication Influences Legitimacy Perceptions // European Journal of Political Research. 2025. Vol. 64. No. 2. P. 767–789. DOI: 10.1111/1475-6765.12711.

12. Sorial S., Morris S. Mini-Publics and the Legitimacy Dilemma: How Theoretical Tensions Are Resolved in Practice // Public Law. 2025. No. 2. P. 335–358. DOI: 10.2139/ssrn.4883707.

13. Lehtonen J., Ylä-Anttila T. Navigating Pandemic Waves: Consensus, Polarisation and Pluralism in the Finnish Parliament during COVID-19 // Politics. 2025. Vol. 45. No. 3. P. 490–508. DOI: 10.1177/02633957241259085.

14. Oswald L. More than News! Mapping the Deliberative Potential of a Political Online Ecosystem with Digital Trace Data // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Art. 629. DOI: 10.1057/s41599-024-03115-0.

15. Alnemr N. Deliberative Democracy in an Algorithmic Society: Harms, Contestations and Deliberative Capacity in the Digital Public Sphere // Democratization. 2026. Vol. 33. No. 4. P. 927–946. DOI: 10.1080/13510347.2025.2522920.

16. Saura García C. Synthetification of Public Opinion: Impacts on Deliberative Democracies // Ethics and Information Technology. 2025. Vol. 27. Art. 54. DOI: 10.1007/s10676-025-09870-1.

References

1. Christiano T., Bajaj S. Democracy // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Substantive revision: June 18, 2024. URL: https://plato.stanford.edu/entries/democracy/

2. Shaveko N. A. Sovremenny`e zapadny`e teorii demokratii. M.: Rusajns, 2025. 418 s.

3. Marej M. D. Konflikt kak norma: agonisticheskij povorot v teorii demokratii // Filosofiya. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2026. T. 10. № 3. S. 13–42. DOI: 10.17323/2587-8719-2026-3-13-42.

4. August V., Westphal M. Theorizing Democratic Conflicts beyond Agonism //

Theory and Society. 2024. Vol. 53. P. 1119–1149. DOI: 10.1007/s11186-024-09565-4.

5. Shaveko N. A. Modeli soveshhatel`noj demokratii: osnovny`e sposoby` normativnogo obosnovaniya // Rossijskij social`no-gumanitarny`j zhurnal. 2024. № 4. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-4-1510.

6. Demirci M. R. Consensus and Agonism in Democratic Theory: Comparing the Approaches of Habermas and Mouffe // The Journal of Social Science. 2026. Vol. 10. No. 19. P. 30–47. DOI: 10.30520/tjsosci.1835190.

7. Shaveko N. A. Obosnovanie cennosti publichnogo diskursa v teoriyax soveshhatel`noj demokratii: osnovny`e strategii i ix kritika // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2024. T. 18. № 3. S. 15–25. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-15-25.

8. Kråkenes L. Ø. Education for Agonistic Democracy: Reclaiming the Political Insights of Agonism // Studies in Philosophy and Education. 2025. Vol. 44. P. 263–281. DOI: 10.1007/s11217-024-09974-z.

9. Shaveko N. A. O samocennosti demokratii // Upravlenie. 2024. T. 12. № 4. S. 109–118. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-4-109-118.

10. Germann M. Mini-Publics, (Lack of) Representativeness, and Legitimacy Beliefs // British Journal of Political Science. 2025. Vol. 55. Art. e11. DOI: 10.1017/S0007123424000322.

11. Goovaerts I., de Fine Licht J., Marien S. When Deliberative Mini-Publics' Outcomes and Political Decisions Clash: Examining How Responsive Communication Influences Legitimacy Perceptions // European Journal of Political Research. 2025. Vol. 64. No. 2. P. 767–789. DOI: 10.1111/1475-6765.12711.

12. Sorial S., Morris S. Mini-Publics and the Legitimacy Dilemma: How Theoretical Tensions Are Resolved in Practice // Public Law. 2025. No. 2. P. 335–358. DOI: 10.2139/ssrn.4883707.

13. Lehtonen J., Ylä-Anttila T. Navigating Pandemic Waves: Consensus, Polarisation and Pluralism in the Finnish Parliament during COVID-19 // Politics. 2025. Vol. 45.

No. 3. P. 490–508. DOI: 10.1177/02633957241259085.

14. Oswald L. More than News! Mapping the Deliberative Potential of a Political Online Ecosystem with Digital Trace Data // Humanities and Social Sciences Communications. 2024. Vol. 11. Art. 629. DOI: 10.1057/s41599-024-03115-0.

15. Alnemr N. Deliberative Democracy in an Algorithmic Society: Harms, Contestations and Deliberative Capacity in the Digital Public Sphere // Democratization. 2026. Vol. 33. No. 4. P. 927–946. DOI: 10.1080/13510347.2025.2522920.

16. Saura García C. Synthetification of Public Opinion: Impacts on Deliberative Democracies // Ethics and Information Technology. 2025. Vol. 27. Art. 54. DOI: 10.1007/s10676-025-09870-1.

Статья поступила в редакцию 17.08.2026; одобрена после рецензирования 30.09.2026; принята к публикации 01.10.2026.

The article was submitted 17.08.2026; approved after reviewing 30.09.2026; accepted for publication 01.10.2026.